Судьбы

ТАКАЯ КОРОТКАЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

очерк

Лицо и голос этого человека знакомы, пожалуй, всем первоуральцам. Это агроном Илья Иосифович Зильберт, которого мы цитируем друг другу, сидя под каким-нибудь смородиновым кустом. Мысли при этом далеки от политики, как наша грядка от космоса, а между тем именно политика исторгла когда-то в пронзительную чистоту молодой его жизни и ломала ее, но цельная натура сохранилась и выстояла...

Много лет сотрудничает Илья Иосифович с городскими газетами, выступает по радио. При моем участии готовилась к печати его книжка "Первоуральский сад и огород", а наши дети ее иллюстрировали. Потом другая - про картошку. Вынашивает он планы о новом издании "Садогорода". Хотя, помнится, лет семь назад, принеся очередную порцию агрономических советов, тщательно отпечатанных на машинке, сказал:

- Вы бы подумали о привлечении нового автора.

- Почему это? - насторожилась я. - Не надо нам никакого нового автора.

- Но ведь мне, вообще-то, уже восемьдесят два...

- Ну и что? - изумилась я совершенно искренне, уважая его возраст, но совершенно его игнорируя. Потому что все в нем: образованность, которая простирается далеко за рамки агрономии; огромная внутренняя культура, учитывость без чопорности, коммуникабельность; его мировоззрение, неизменный интерес к людям - все это необъяснимым образом позволяет мне чувствовать себя с ним ровней, человеком схожих взглядов и интересов. Хотя он, конечно, старше моих родителей, которых давно нет на свете.

В нынешнем году Илье Иосифовичу исполнится... девяносто. Кто бы мог подумать?

Мостик, перекинутый через жалкую речушку, сейчас разделяет две страны - Украину и Белоруссию. А тогда все это было государство Российское, на одном берегу, украинском - большое село Добрянка, на другом - маленькое белорусское местечко Подобрянка. Вот в этом селе, в избе-развалюшке, родился Илья Зильберт, один из четырех детей в семье. Мама его еще девушкой любила парня, а замуж ее выдали за другого - Иосифа. Тот парень запил, дальше следовала романтическая история, а потом дед доставил строптивицу к мужу, с которым они жили нескладно, но дети рождались в положенное время. Одна девочка умерла в детстве, нет уже на свете брата Залмана, начальника стройуправления в Средней Азии. Осталась Роня - проектировщик мостов и набережных в Ленинграде. Дата его собственного рождения, считает Илья Иосифович, в документах указана неточно. Просто, наверное, писарю поставили шкалик, чтобы убавил ребенку несколько месяцев - в армию попозже заберут.

В национальном отношении Подобрянка представляла собой некий Вавилон - и вместе с тем здесь проходила черта оседлости. Ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни деревьев, один песок вокруг. Поэтому все в местечке были кустарями, и родители тоже. Несмотря на бедность, еврейские семьи старались дать детям образование. В гимназию их принимали пять процентов от русских; чтобы попасть туда, надо было очень хорошо учиться. Того, кто не старался, ждала только религиозная школа: канкул нет, лишь праздники; в летнюю духоту учи молитвы; учитель дерется - поэтому все дети росли атеистами.

Из смутных воспоминаний детства осталось мимолетное: он, Илюша, ребенком идет в комнате. Дома тихо, прохладно. Низкие потолки. В углу сидит незнакомый человек, приехавший с тетей и ее мужем. У него голубые глаза и золотая кудрявая голова. Потом ребенок слышит его фамилию - Есенин. Говорят, что в большом городе поэт бывает гостем Илюшиной тети - актрисы Никритиной, жены писателя Мариенгофа. Наверное, это она скажет в 1918 году устами героини романа Анатолия Мариенгофа "Циники":

- А как вы думаете, может случиться, что в Москве нельзя будет достать французской краски для губ? Как же тогда жить?

После Февральской революции черту оседлости отменили, разрешили переехать в Гомель. Потом наступил Октябрь. "Революцию сейчас ругают, мажут черной краской, а ведь тогда очень многое изменилось для народа в лучшую сторону. Нынешняя же демократия существует для маленькой кучки людей", - это мнение не умозрительное, это слова очевидца. Единая трудовая школа - для всех, случаи пьянства - ЧП, до 1924 года был сухой закон, который потом Рыков отменил. "Господствовал культ человека, знаете, по Чехову - чтобы прекрасны и душа, и мысли... Для молодежи - спорт: гребля, плавание. Реку Сож перелывал свободно, тем более что на лодку денег не было. Проездом в Крым в Гомеле останавливался Маяковский - мы городской театр штурмом брали. Он выходил на сцену - и без бумажки читал целую поэму. Мы верили, что царицей мира будет труд! А наши дискуссии на тему "Если бы Печорин пошел на производство, он бы перековался"! Бедность, бездомежье не смущали, верилось в будущее".

Школу кончил, а безработица на пороге: промышленность только-только восстанавливалась после гражданской войны. Подался Илья на юг, беспризорничал, кому поднесет вещи, где и стащить придется - так и кормился. На ты сильный, здоровый - и не можешь заработать себе на хлеб. Правда, хлеб в столовой бесплатный, горький. И продукты после нэпа очень дешевые и качественные. В столовой, доедая суп, поймаешь таракана - и в почти пустую тарелку. "Заведующий, это что у вас? Несите новую порцию!" В конце концов заведующий разоблачает хитреца: "Таракан-то свежий, не вареный". Это не из рассказов Зощенко - из их жизни.

В первую пятилетку, при плановом хозяйстве, все изменилось: народу стало не хватать. И получил Илья твердую должность - грузчиком в порту. Таскал мешки, катал тачки ("Я и сейчас их великолепно катаю"). В 28-м недород, хлеба нет. Карточки, а в порту - по два обеда. Раньше артели грузчиков весь заработок пропивали, а у них-молодежная бригада, здоровая жизнь. За границу - лес, а оттуда - станки, оборудование для индустрии. За медленную погрузку - штраф. Помнится, как позвонил Киров: Ленинграду не хватало дров; комсомольцы сплавляли с севера лес и загружали баржи дровами. И при таком тяжелом труде рвались учиться. На очную учебу И. Зильберта не отпустили, и стал он заочником факультета агрохимии и почвоведения. Учеба, работа, участие в газете "Портовик" - даже не до девушек было. В 1934 году дипломированный выпускник сельхозакадемии получил направление в свекловичную МТС в г. Льгове Курской области.

В ту пору начиналась химизация в сельском хозяйстве. Крестьяне, помня, что помещичьи земли больше навозом удобрялись, заграничным химикатам (а позже появились отечественные) не доверяли: довезут - и в овраг. Молодой агроном, проведя почвенное обследование, перешел на опыты: показал, что с удобрениями урожай выше. Дошло! Не зря он колесил на велосипеде по району, лекции читал. Молодую жену Лелю на раму - и в деревню. Хотя, конечно, засилье райкомовских указаний у многих крестьян охоту к труду отбивало.

И кому-то из райкомовских проверяльщиков не понравилось, как молодой член партии ведет занятия в политкружке. Шибко умно рассуждал агроном о реформе 1861 года. Опять же разнарядка - сколько врагов народа следует обнаружить в данном районе.

1937-й год ждал Илью Иосифовича с ордером на арест. На квартиру, которую они с беременной женой снимали, за ним пришли двое. Потом следователь, глядя в окошко своего кабинета на прохожих, обронил:

- Они все - обвиняемые, а вы - уже осужденный.

"Следствие" продолжалось полгода. В камере на 8 человек помещалось 60. Ночью, лежа на полу, с боку на бок повернуться одновременно. Чтобы не терять присутствия духа, Зильберт пересказывал товарищам по несчастью книги - классику и советских писателей. И сам сочинил две книжки - о шпионаже на границе, только писать было не на чем, так они и остались "в уме". А "шпионов" искали не в книжках, а в их камере.

По постановлению "тройки" получил агроном 10 лет, правда, с правом переписки. Он провел их в трех лагерях в Коми АССР и пришел, на наш сегодняшний взгляд, к странному выводу: чекисты - не палачи. Он считает, что Сосненицын несколько тенденциозен. Правда, Зильберта спасала специальность. Врачи, агрономы в лагерях не гибли, они должны были лечить и кормить заключенных и их надзирателей. Плохо приходилось учителям и партийным работникам - люди гибли не только от условий, но и от дум.

- Меня выручила природа, тайга европейского Севера. Непуганая птица, рябчики, огромные деревья, черника, брусника - ковер из ягод. Заготовлять их посылали стариков, инвалидов. Это ведь заключенные придумали "гребешки" для сбора ягод. Основной труд - заготовка леса. Тем, кто хорошо работал, - льготы. Повара, недодавшего кому-то пайку, наказывали. Меня отправляли искать место под сенокосы. Охраны нет - бежать некуда, не добежишь. Вдоль реки - заросли черной, красной, белой смородины. То вдруг медведь покажется. Тишь - ничто не шелохнется. Красочные белые ночи. Яркое, в полнеба, северное сияние.

Иллюзия свободы. Ее нет, есть колючая проволока и бараки "Локчемлага". Внутри вагонки нары в два яруса. И по всей Коми, как нарывы, сплошные лагеря. И сидят в них "обычные советские люди, а не шпана".

Заслужив репутацию лучшего агронома, Зильберт получил в подмогу дневального. Дневальным поочередно были несколько ученых, "доходяг". Зильберт отдавал им половину обеда - тем и спасал. Хотя и сам не избежал ни карцера, ни лесозаготовок.

По радио узнали, что началась война. Уголовников брали добровольцами на фронт. В патриотические порывы таких, как Зильберт, с 58-й статьей, не верили: "враги", вдруг к Гитлеру перебегут.

Прокатилась по земле страшная война, о которой заключенные знали понаслышке. У многих родные места превратились в пепелища, погибли семьи. Пережили оккупацию жена Зильберта и сын Арнольд. Мальчик жил в подвале, прячась от фашистов, заболел туберкулезом костей и умер еще молодым. Жена жила уже другой жизнью: 10 лет - долгий срок. И поэтому Илья Иосифович, вышедший в 47-м с характеристикой "Не помогать и не мешать", остался в лагере вольнонаёмным. А потом уехал в Сибирь - ни к кому, твердо зная, что "народ советский совсем неплохой, люди отзывчивы". Сильно потянула к себе Сибирь: когда решил вдруг уехать в Ленинград к сестре, увидел в окно вагона цветущие жарки - и вернулся.

И опять привычное дело: выращивал овощи и картошку в Мазуровском совхозе Кемеровской области. Стал управляющим отделением, а совхоз - одним из лучших в области, участником ВДНХ. Встретил и там выпускников Тимирязевской академии. Вместе с осетином Хазби Абубакировичем Есиевым, московским инженером, осваивали выращивание культур под пленкой. Подвижником был ставший близким другом Есиев, жил в какой-то сараюшке. Умер от рака.

Сейчас пленочные теплицы - дело обычное. А тогда было интересным новшеством, и даже на сессии ВАСХНИЛ докладывал Илья Иосифович о результатах своей работы. С тех пор у него с наукой тесная связь. Лично вывел сорт огурцов "обильный". Агронома-новатора пригляделили в Свердловской области. Так очутился Илья Иосифович в совхозе "Первоуральский". И после сибирских черноземов обнаружил абсолютно бесплодные земли. Поехал с образцами в областную агрохимлабораторию. Целую зиму вывозил на поля городскую свалку. Новоалексеевские торфяники - тоже на поля. Закипела работа. В успехах совхоза есть бесспорный вклад Ильи Иосифовича. Он в 65 лет ушел на пенсию, но с коллективом не порывал никогда, а директор И. В. Новоселов продолжал ему премии выдавать "за советы".

- Иван Владимирович - очень толковый мужик, - объясняет Илья Иосифович. - Если он уйдет, совхоз захиреет.

Новоселов вроде бы никуда уходить не собирается, но даже мысль об этом пугает старого агронома. Он с недоумением вертит в руках бумагу о владении паем земли, считая дележку заведомо кощунственной, и доволен, что директор не допустил раздробления хозяйства. И еще он был очень смущен и тронут, когда в день рождения Новоселов посадил в машину его и сопровождающего с деньгами и с наказом одеть Зильберта в обновку. Купили кожаную куртку.

Довелось Илье Иосифовичу в зрелые годы еще раз стать отцом. Дочка Лиля работает штукатуром-маляром на Магнитке. Родились двое внуков - Олеся и Амир. "Есть у меня в голове две книжечки и в папке - несколько рассказов. Советская литература. Дочери оставлю, может, пригодятся".

Редакции его всегда ждут. Одни - в ожидании садоводческих советов, другие -для мировоззренческой беседы. Вот, наконец, Илья Иосифович показался на дорожке, ведущей от автобусной остановки. Идет тихонько, постукивая по асфальту палочкой. Ага, опять без шапки и легкое пальтецо нараспашку. Говорит, закалился еще в лагерях, там ему шапкой служили буйные кудри. И без шарфа вдобавок... Я ворчу за это на него, ворчу, а украдкой поглядываю: здоров ли? А он слушает терпеливо, потому что знает, что все здесь его любят.

Судьба многим обделила его. Единственный подарок он получил от нее - Время. Илья Иосифович распорядился им мудро и умело.

Пусть бы пожил подольше...

А. КИПРИЯНОВА.

На снимках:
1. *Илья Зильберт 20 лет.*
2. В пригородном совхозе Кемеровской области.
3. Илья Иосифович с дочкой Лилей.